

Maciej Walczak

Uniwersytet Śląski w Katowicach

**ЛЕКСЕМА ДУРАК
В БЛАГОНАМЕРЕННЫХ РЕЧАХ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

**The дурак (*Durak*) Lexem
in *The Well-Meant Speeches* by Mikhail Saltykov-Shchedrin**

ABSTRACT: The article presents the context-determined meanings of the *дурак* (*durak*) lexem based upon the satirical sketches *Well-Meant Speeches* by Mikhail Saltykov-Shchedrin. At the beginning is the etymology of the word and then general vocabulary definitions produce four basic meanings for the word: 1. a good and honest man; 2. a person being the object of widely-spread mockery and jibes; 3. a person unable to behave in a proper way; 4. a person unable to administer their property in a good way as well as not to live their life successfully – a lame duck, a sluggard and a drunkard. From amongst those meanings the author tries to notice the mutual parallels which interpret visions of the fool in Saltykov-Shchedrin's sketches as well as the contemporary vision of the Russian mentality and its folk tradition.

KEYWORDS: semantics, context, the *дурак* (*durak*) lexem, etymology, folk tradition

В самом начале хотелось бы уточнить, что в предлагаемом исследовании *дурак* понимается широко, с одной стороны, как лексическая, т.е. словарная, единица и, с другой, как комплекс стоящих за ней культурно обусловленных представлений. Во многих работах в этой связи можно встретить термин *концепт* (*концепт* «*дурак*») для обозначения смыслов, «которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания»¹. Однако, учитывая то обстоятельство, что данный термин, понимаемый объёмно и неоднозначно, не только вызывает в лингвистике споры и разногласия, но и недостаточно ясно определён, что потребовало

¹ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др., *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996, с. 90-91.

бы углубиться в предмет, мы решили отказаться от его использования, отдав предпочтение представлению о «лексеме в контекстах употребления». Тем более что, по мнению некоторых лингвистов, *концепт* «коррелирует с семантической структурой слова, разработанной в семасиологических исследованиях и включающей в себя образный, денотативный и оценочный компоненты»².

Дурак, в свою очередь, для русского языка, мышления и культуры, понятие очень ёмкое, как в собственно лингвистическом, так и в народно-ментальном, в том числе и в фольклорно-мифологическом, отношениях, представляя в этом ключе одну из определяющих категорий русского *духа*³.

Небезынтересно в этой связи обратить внимание на этимологическое родство лексем *дурак* и *дух* (в том числе, но не только, *дуть*, *душа*), восходящих к общему корню **dur-ь*, связанному с **du-ti* (первоначально **dōti* ‘дуть’) и образованному от индоевропейской базы **dheu-ēs* : *dheu-s-*⁴ (ср. нем. *dumm* ‘безголовый; неразумный; безрассудный; неблагоразумный, глупый’⁵ – от др.-в.-нем. *tumb* ‘глупый; сумасбродный, взбалмошный; глухой’, а то, в свою очередь, от и.-е. **dheu-*, нем. *taub* ‘глухой; пустой’⁶ – от др.-в.-нем. *toub* ‘глухой; пустой; глупый’, что также от и.-е. **dheu-*⁷).

Связь с указанным этимологом на почве русского языка представляется тем более неслучайной, что при сравнении других однокоренных лексических единиц обнаруживается ряд сопоставимых ассоциаций: *надуть* ‘обмануть, провести’⁸ (ср. *оказаться в дураках* ‘быть обманутым’⁹ или же устаревшее *дуросвѣтъ* ‘обманщик, мошенник’¹⁰), *дуться*₁ – ‘выражать неприязненное отношение, неудовольствие, обиду; сердиться, обижаться’¹¹ (ср. польск. *dąsać się* ‘okazywać swym zachowaniem niezadowolenie, gniew; grymasić, kaprysić, stroić fochy’¹², от **dōti* ‘wiał, dąć, dmuchać’¹³ и сюда же *dumny* ‘mający o sobie wygórowane mniemanie; wynoszący się nad innych; nieprzystępny, wyniosły, pyszny, zarozumiały’¹⁴, также от

² И.И. Чесноков, *Месть как эмоциональный поведенческий концепт*, Волгоград 2009, с. 9-8.

³ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности*, т. 1, Санкт-Петербург 2014, с. 233.

⁴ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. 1, Москва 2009, с. 272-276.

⁵ В. Байко, И. Бёме, *Новый русско-немецкий, немецко-русский словарь*, Москва 2009, с. 93.

⁶ Там же, с. 296.

⁷ W. Pfeifer, *Etymologische Wörterbuch des Deutschen*, [в:] <https://www.dwds.de> (11.01.2022).

⁸ А.С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург 2000, с. 579.

⁹ Там же, с. 288.

¹⁰ В. Даль, *Толковый словарь живаго великорускаго языка*, т. 1, Санкт-Петербург – Москва 1880, с. 502.

¹¹ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь русского языка*, т. 1, Москва 2006, с. 647.

¹² M. Szymczak (red.), *Słownik języka polskiego*, t. I, Warszawa 1983, с. 364.

¹³ W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2008, с. 111.

¹⁴ M. Szymczak (red.), *Słownik języka polskiego...*, с. 468.

**dōti*¹⁵), *дуться*₂ – ‘перен. важничать, гордиться’¹⁶, *надутый* – 1. ‘высокомерный, напыщенный, чванный’; 2. ‘обиженный / выражающий обиду’¹⁷ (ср. *надменный* ‘чванливо-гордый, высокомерный’ – от *надъмень*, от **nadōti*, первоначально **nadъmti*¹⁸), *дурачить* – ‘обманывать, рассчитывая на чью-л. глупость, доверчивость’¹⁹, *дурманить* – ‘действовать отупляюще на разум, сознание’²⁰.

И в том же ряду, неслучайно, *надменность*, предполагающая, как уже говорилось, чрезмерную гордость и высокомерие, которые свойственны дураку «как человеку, в самомнении преувеличивающему собственную ценность»²¹. Следует добавить, что семантико-ассоциативная линия *дуть* → *дурак* выявляется при этимологическом анализе и в других языках европейского ареала, напр., английское *fool* ‘дурак, глупец; шут’²² и французское *fou, folle* ‘сумасшедший, безумный; шут’²³ восходят к латинскому *folius* ‘глупец’²⁴ от *follis* ‘кожаный пузырь; надутый мех, на котором тренировались гладиаторы; мешок; надувная подушка’²⁵, которые, в свою очередь, от п.-и.-е. корня **bhel-* ‘надувать, дуть; надуваться; пухнуть’²⁶ (ср. англ. *blow* ‘дуть; надувать’). С учетом приведённого значения у латинского существительного *follis* (‘кожаный пузырь, мешок ...’) не случайным видится соотношение *кожаный мешок* → *надутый / наполненный чем-либо непригодным предмет* → *надутый / надменный, гордый* (о человеке), отразившееся в одном из стихотворных сочинений Миколая Рея: *Hardemu zda się, iż tu nikt nie równien / – On skorzany wór, który pelen gówien*²⁷. Интересно отметить, что прилагательное *hardy*, ставшее производным для *hardość* (в старопольском также с начальным взрывным *g* – *gardość* ‘gardzenie, arogancja’²⁸ (ср. рус. *гордость*)), обозначает ‘*dumny, wyniosły, butny*’²⁹ (рус. ‘высокомерный, надменный’).

¹⁵ W. Boryś, *Słownik etymologiczny...*, s. 132.

¹⁶ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь...*, т. I с. 647.

¹⁷ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь...*, т. II, с. 161.

¹⁸ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I, Москва 2009, с. 557.

¹⁹ А.С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь...*, с. 288.

²⁰ Там же.

²¹ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности...*, с. 233.

²² В.К. Мюллер, *Большой англо-русский и русско-английский словарь*, Москва 2007, с. 241.

²³ П. Ларош, Е. Маевская, *Французско-русский, русско-французский словарь*, Москва 2013, с. 142.

²⁴ Ср. А. Kulbicka, A. Ledzińska, A. Maciąg i in., *Elektroniczny słownik łaciny średniowiecznej w Polsce*, [w:] https://lexicon.scriptoros.pl/pl/lemma/1.FOLLUS#haslo_prosty (12.01.2022).

²⁵ И.Х. Дворецкий, *Латинско-русский словарь*, Москва 1976, с. 435.

²⁶ *Online Etymology Dictionary*, [in:] <https://www.etymonline.com/word/fool> (11.01.2022).

²⁷ M. Rej, *Pyszny a pokorny*, [w:] *Mikołaja Reja z Nagłowic pisma wierszem*, wyd. J. Czech, Kraków 1848, s. 31.

²⁸ S. Urbańczyk (red.), *Słownik staropolski*, т. II, Wrocław – Kraków – Warszawa 1956-1959, s. 385; 540.

²⁹ M. Szymczak (red.), *Słownik języka polskiego...*, s. 725.

Лексема *дурак* в русском языке, или шире – русской лингвокультуре, обладает, как можно было заметить, довольно сложным характером, распадаясь на концептуально дифференцированные представления и разные по этой причине значения:

- современное, узуальное, бытовое, предполагающее глупого, несообразительного человека;
- народно-мифологическое, за которым стоит образ простодушно-отзывчивого героя, вознаграждаемого счастьем и удачей в неизменном конце;
- ментально-культурное и историческое, согласно которому дурак предстаёт как обличитель пороков и социальных несправедливостей, он же юродивый³⁰.

Марина Черкасова, базируясь на данных лексикографических источников, научной литературы, мифологизированных и современных медиатекстов, выделила следующие реализации языковых значений слова *дурак*:

1. Дурак – тупое, глупое, неумное, неполноценное, существо, синонимами которого являются единицы *дурень, дурачина-простофиля, глупый, тупой* и т.д.
2. Дурак фольклорный: а) глупый и ленивый, б) служит для номинации третьего, младшего сына в семье (третий сын Иван-дурак или третий сын дурак), которому неизменно везет. В качестве синонимов выступают такие определения, как *младший сын, Иван, Иванушка, Иван-дурак, Иванушка-дурачок, Емеля, Емелюшка*.
3. Уменьшительно-ласкательное наименование, не обладающее резкими негативными характеристиками: *дурачок – дурашка, глупенький*.
4. Дурак как нейтральная номинация, имя собственное (без мифологизированного следа) в Древней Руси³¹.

Об активности и актуальности образа-персонажа *дурака* для русской ментальности и языкового употребления свидетельствует большое количество производных (более 40) с корнем *дур-*, включая устаревшие и диалектные единицы: *дура, дурак, дурка, дурко, дуралей, дурандай, дурундай, дурандас, дурундас, дурандасович, дурандыс, дуранюшка, дураня, дурасина, дурафья, дурачина, дурачище, дурачок, дурашка, дурушка, дурашман, дурбень, дурень, дурила, дурило, дурьё, дурица, дурища, дурнушка, дурняшка, дурулом, дурулопа, дурухвай, дурухват, дурухвайка, дурочка, дурушлён, дуруша, дурында, полудурак, придурок, придурь*. Распространённость образа дурака характерна, впрочем, для всего

³⁰ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности...*, с. 233. По смежной проблематике см. также: Л.Б. Никитина, *Русский дурак и русский ум: архетипические черты языкового образа человека разумного*, [в:] Портал “О литературе”, LITERARY.RU, [в:] <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1207130917&archive=1207225892> (21.12.2021); Л.Б. Никитина, *Образ дурака в русской культурной традиции (лингвокультурологический аспект)*, «Филологический ежегодник» 2005, вып. 5/6, с. 104-107.

³¹ М.Н. Черкасова, *Дурак фольклорный vs «дурак полный»: к интерпретации оскорбления*, «Rhema. Рема» 2011, № 2, с. 106.

восточнославянского языкового ареала, о чём свидетельствует высокая его частотность, напр., в белорусском паремиологическом фонде³².

Как замечает Ирина Кириллова³³, лексема *дурак* является одним из основных репрезентантов концепта *глупость* в русских народных сказках, а сам персонаж дурака – одним из наиболее колоритных и популярных героев русских фольклорных текстов. Подобное мнение высказывается Валентиной Масловой, считающей, что концепт *дурак* выступает одним из ключевых в русской культуре в силу стоящего за ним мира образов, представлений, аксиологических установок и метафор³⁴.

По словам Татьяны Хрипуловой, образ дурака в художественном произведении раскрывает важные субстанциальные признаки русского характера, в силу чего образ делается повторяющимся, привычным, узнаваемым и попадает в зону «внимания»³⁵. Следует добавить, что тема глупости, сумасшествия, шизофрении, юродивости, дурачества и прочих психических расстройств неоднократно становилась лейтмотивом произведений русской (также и мировой) художественной литературы, начиная с протопopa Аввакума, переходя затем к Д.Н. Фонвизину, А.С. Грибоедову, И.А. Крылову, А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Н.С. Лескову, Ф.М. Достоевскому, Ф.К. Сологубу, А.М. Ремизову, В.Я. Шишкову, В.В. Ерофееву и мн. др.³⁶ Кроме того, персонаж дурака – неотъемлемый компонент «деревенской прозы», служивший выразителем настроений крестьянского люда и нашедший своё отражение, в частности, в сочинениях Василия Шукшина³⁷.

В этой связи выбранные нами для анализа *Благонамеренные речи* М.Е. Салтыкова-Щедрина³⁸ не исключение. Обращение именно к этому произведению было продиктовано также замеченной в нём высокой частотностью лексемы *дурак*, появившейся на протяжении всего текста 71 раз, включая падежные формы. Лексема *дура*, в свою очередь, была обнаружена только 4 раза.

Помимо этого, мотив дурости и глупости – чаще всего лишь поверхностной, а на самом деле ложной и иронически понимаемой, – пронизывает и другие сочинения этого автора, напр., в сказке *Дурак*, повести *История одного города*,

³² И. Швед, *Из наблюдений над образом дурака в паремиологическом фонде белорусской традиции*, „Białorutenistyka Białostoska” 2013, t. 5, с. 383-415.

³³ И.В. Кириллова, *Языковые репрезентации концепта «глупость» в русских народных сказках*, «Вестник Вятского государственного университета» 2011, № 2-2, с. 12-13.

³⁴ В.А. Маслова, *Введение в когнитивную лингвистику*, Москва 2007, с. 171.

³⁵ Т.Н. Хрипулова, *Концепт «дурак» в поэзии Н.И. Тряпкина*, «Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова» 2014, № 1, с. 165.

³⁶ Некоторых из этих авторов перечисляет в своей работе А. Skotnicka-Maj, *Szaleństwo jako wartość we współczesnej literaturze rosyjskiej*, „Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze” 1992, nr 17, s. 113.

³⁷ Д.Р. Мухтарова, *Особенности репрезентации лингвокультурных концептов в рассказах В.М. Шукшина*, «Международный научно-исследовательский журнал» 2017, № 4-2 (58), с. 64.

³⁸ М.Е. Салтыков-Щедрин, *Благонамеренные речи*, Москва 1876.

очерках *Глухов и глуповцы, Глуховское распутство*. Стоит при этом отметить, что в выбранном нами произведении дурак не является действующим лицом в субъектном (активном) своём воплощении (как, напр., в сказках) но, скорее, в объектном (пассивном) – как тот, кому приписывают черты дурака, и тот, кого в *дураках* оставляют.

Прежде чем перейти к анализу контекстных реализаций лексемы *дурак* в выбранном сочинении, хотелось бы дать её краткую словарную характеристику.

Данные толковых словарей современного русского языка позволяют выделить следующие значения: 1. 'Глупый, тупой человек'; 2. *Разг.* 'помешанный, юродивый'³⁹; 3. Употребляется в функции бранного слова, ругательства⁴⁰. 4. *Только с отрицанием*: не дурак в знач. сказ., *разг.* 'любитель делать что-л'. 5. В старину: 'придворный или домашний шут'⁴¹. Небезынтересно отметить также некоторые переносные значения лексемы *дурак* в диалектном её проявлении: 'тыква; пустоцвет у огурцов; капустаная рассада без сердцевинки, не дающая кочана'⁴². В последнем приведённом толковании можно увидеть связь с представлением о *пустом* (тыква, капуста: нечто по форме округлое, «надутое», внутри лишённое содержания), которое также обнаруживает себя в восприятии дурака как «духовно и умственно пустого»⁴³. Несмотря на то, что за интересующей нас лексемой стоит отрицательно заряженный потенциал, можно отметить также оттенок ласкового расположения, особенно в выражениях с деинувтивом (*дурачок, он такой дурачок*), и нередко при обращении: *ах ты мой дурачок*⁴⁴.

На основании приведённых словарных толкований можно сделать вывод о том, что в современном речевом употреблении функционируют в основном значения узуальное, ранее упомянутое ('глупый, тупой человек'), и культурно-ментальное ('*разг.* помешанный, юродивый'⁴⁵).

При обращении к выбранным текстам М.Е. Салтыкова-Щедрина мы старались выявить непосредственные и обусловленные контекстно реализации семантики многослойного представления *дурака*. Отметим, что подобные попытки, с лингво-когнитивной позиции, предпринимались в работе М.Н. Черкасовой, выделившей несколько структур концепта *дурак* в зависимости от типа сознания – обыденного, мифологического и научного⁴⁶. В свою очередь, наша задача сводилась к другому – к определению как самых частотных, так и редких семантических проявлений интересующего нас представления в конкретном

³⁹ А.С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь...*, с. 288.

⁴⁰ Т.Ф. Ефремова, *Современный толковый словарь...*, с. 647.

⁴¹ А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка в 4-х тт.*, т. I, Москва 1999, с. 453.

⁴² Ф.П. Филин (ред.), *Словарь русских народных говоров*, вып. 6, Ленинград 1970, с. 264.

⁴³ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности...*, с. 233.

⁴⁴ Д.С. Лихачёв, *Заметки о русском*, Москва 1984, с. 13.

⁴⁵ А.С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь...*, с. 288.

⁴⁶ М.Н. Черкасова, *К вопросу о фрейм-слововой структуре концепта дурак*, «Вопросы когнитивной лингвистики» 2011, № 4, с. 74-82.

художественном тексте, с учётом и в тесной связи со всеми названными ранее современными, народно-мифологическими и прочими значениями и воплощениями.

В результате такого подхода были выявлены четыре основные контекстно обусловленные реализации:

1. добрый, честный и нравственный человек как жертва мошенничества;
2. человек, ставший объектом всеобщей насмешки;
3. человек, не умеющий повести себя надлежащим образом;
4. человек, не умеющий управлять своим имуществом и самим собой – неудачник, пьяница и лентяй.

Представление и анализ материала будем стараться давать в соответствии с указанной очерёдностью, однако в силу довольно пёстрых, неоднородных, нередко взаимопроникающих друг в друга проекций «дурака» в выбранном произведении предполагается отражение параллелей к реализациям, ранее охарактеризованным. С соблюдением вместе с тем принципа логического следования данной реализации из предшествующей. Выделенные четыре смысловые проекции представляют собой, с точки зрения анализа, основные ячейки, в составе которых и вокруг которых будут выстраиваться непосредственно текстовые употребления.

Первая, самая частотная, реализация представляет собой параллель к народно-мифологическому значению лексемы *дурак* ('простодушный, отзывчивый, добрый, вознаграждаемый счастьем и удачей'). Данное значение в контексте у Салтыкова-Щедрина дополнительно модифицируется, предполагая добродушно-сердечного человека, который по своей доброте оказывается наивным, становясь нередко жертвой мошенничества и обмана и не умея извлекать для себя возможную выгоду из сложившихся жизненных обстоятельств. Последний признак, к слову сказать, свойствен и персонажу Ивана-дурака, который в народных волшебных сказках наделяется добротой и отсутствием стремления к личной выгоде⁴⁷.

Обратимся теперь к примерам из выбранных нами текстов:

... Весь город знает, что Маргарита Ивановна уж на другой день духовную подделала! И писал-то отец протопоп! – И подделала, и все это знают, и даже сам отец протопоп под веселую руку не раз прого варивался, и все же у Маргариты Ивановны теперь миллион чистоганом, а у Харина – кошель через плечо. Потому, дурак! – Дурак-то дурак! однако, все-таки...
Дурак – и больше ничего⁴⁸. (с. 20)

⁴⁷ М.Л. Карданова, Л.Х. Настаева, *К вопросу о структуре и языковом выражении концепта «дурак» в английском, испанском и русском языках*, «Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований» 2015, № 21, с. 189-192.

⁴⁸ М.Е. Салтыков-Щедрин, *Благонамеренные речи...* (здесь и далее цит. по этому изданию, в скобках указываются страницы).

– Уж очень вы, сударь, просты! ах, как вы просты! И не одно это припомнил, но и то, как я краснел, выслушивая эти восклицания. Не потому краснел, чтоб я сознавал себя дураком, или чтоб считал себя вправе поступать иначе, нежели поступал, а потому, что эти восклицания напоминали мне, что я *мог поступать иначе*, то есть с выгодой для себя и в ущерб другим, и что самый факт непользования этою возможностью у нас считается уже глупостью. (с. 19)

– Этакой случай был – и упустил. Дурак! – укоряет женщина.

– Да ты знаешь ли, дура, чем Сибирь пахнет! – возражает мужчина.

– Для дурака, куда ни оглянись – везде Сибирь. Этакой случай упустил!

Женщина вздыхает и умолкает, но не надолго.

– Дурак! – повторяет она.

– Не мути ты меня, ради Христа! Дурак да дурак! Нешто я не вижу! И словно ведь дьявол меня осетил!

– И чего ты глядел! Счастье само в руки лезет, а он, смотри, нос от него воротит! Дурак!

Мужчина, уличенный и подавленный, не возражает. (с. 21)

В рассматриваемых фрагментах *дурак* предстаёт также как оценочная и негативно заряженная проекция не только того, кто упустил возможность, не воспользовался случаем в свою пользу и для своей выгоды, но и того, кто стал по этой причине объектом публичной и всеобщей насмешки (*дурацкое положение*), критики, порицания, испытывая при этом чувство неловкой, давящей к тому же, незаслуженной обиды, горечи и стыда («...как я краснел, выслушивая эти восклицания»). Именно это позволяет выделить очередное, второе по частотности, контекстное значение – человек, оказавшийся в неловком (*дурацком*) положении, ставший объектом незаслуженного порицания и насмешки, которое ещё отчётливее проявляет себя в следующем фрагменте:

Стыдно сказать, но делается как-то обидно и больно, когда разом целый кагал смотрит на вас, как на дурака. Не самое название смущает, а то указывание пальцами, которое вас преследует на каждом шагу. (с. 19)

В приведённом отрывке явно отмечает себя параллель к персонажу дурака в русских бытовых сказках, в которых, по словам Марьяны Кардановой и Людмилы Настаевой, выступает он объектом издёвок и всеобщего осмеяния⁴⁹. Интересно отметить, что представление о дураке как объекте стыда и насмешки отражено и в русской народной пословице: *чужой дурак – ха-ха! а свой дурак – ой-ой!, чужой дурак – веселье, а свой – бесчестье, чужой дурак – смех, свой дурак – стыд, чужой сын дурак – смех, а свой сын дурак – смерть (стыд)*⁵⁰.

⁴⁹ М.Л. Карданова, Л.Х. Настаева, *К вопросу о структуре...*, с. 190.

⁵⁰ В. Даль, *Пословицы русского народа*, Санкт-Петербург 2000, с. 275, 382.

Ситуация высмеивания, издевательства прослеживается и в следующих фрагментах, в которых, как представляется, можно выявить наложение отмеченных ранее признаков, т.е., с одной стороны, – человек, ставший жертвой обмана и мошенничества, с другой же, – объект всеобщего по этой причине осмеяния:

... Большинство спало, но в некоторых группах слышался говор.

– И как же он его нагрел! – восклицает некто в одной группе, – да это еще что – нагрел!

Греет, братец ты мой, да приговаривает: помни, говорит! в другой раз умнее будешь! Сколько у нас смеху тут было!

– Дурак!

– Дурак и есть! Потому, ежели ты знаешь, что ты дурак, зачем же не в свое дело лезешь?

Ну, и терпи, значит! (с. 22)

– Ха-ха! вот, брат, так штука!

– Сколько смеху у нас тут было – и не приведи господи! Слушай, что еще дальше будет.

Вот только немец сначала будто не понял, да вдруг как рявкнет: «Вор ты!» – говорит. А наш ему: «Ладно, говорит; ты, немец, обезьяну, говорят, выдумал, а я, русский, в одну минуту всю твою выдумку опроверг!»

– Молодец!

– Нет, ты бы на немца-то посмотрел, какая у него в ту пору рожа была! И испугался-то,

и не верит-то, и за карман-то хватается – смехота, да и только!

– Просты еще насчет этих делов немцы! не выучены!

– Чего проще! просто дураки! совсем как оглашенные! (с. 22)

В последнем отрывке можно увидеть своеобразную игру прототипическим образом дурака, закреплённым в русских волшебных сказках, в которых он, обладая особыми свойствами и умениями, являясь отчасти воплощением свойственной русскому человеку хитрости, проницательности и ловкости, всегда оказывается в выигрыше, особенно при столкновении с чужим либо потусторонним. Однако у М.Е. Салтыкова-Щедрина дурак – это вовсе не хитрый и ловкий проныра, а тот, кто по неопытности и по наивности становится жертвой обманщика.

Очередное выявленное нами контекстно обусловленное значение предполагает человека, не умеющего в определённой ситуации (по)вести себя надлежащим образом. Отмеченное значение можно увидеть в таких фрагментах:

Дурак! разиня! – объясняет жандарм стоящему перед ним растерявшемуся малому, – из-под ног мешок вытащили – не чует! Так вас и надо! Долго еще вас, дураков, учить следует! (с. 23)

Бьет час; слышится сигнальный свист; поезд близко. Станция приходит в движение: поднимается шум, беготня, суета. В моих ушах, словно перекрестный

огонь, раздаются всевозможные приветствия и поощрения. Дурак! разиня! простофиля! фалалей! Наконец, я добираюсь до вагона 2-го класса и бросаюсь на первую порожнюю скамью, в надежде уснуть. (с. 23)

В цитируемых отрывках лексему *дурак* можно считать также средством выражения досады, разрядки эмоций по поводу произошедшего, что сближает её с функцией бранного слова, ругательства, особенно в ряду других оценочно и эмоционально маркированных единиц (*разиня, простофиля, фалалей*). В подобной функции используется и лексема *дура*, в сопровождении усиливающего эпитета *криворотая* (в приводимом примере):

Но на улице, между играющими девочками, происходит смятение.

– Не в десятый раз мне гореть! Я первая ударила! – протестует жалобный голос одной из девочек.

– Ан я ударила! Я первая ударила! ты дура! ты и гори! – возражает другой голос, более мужественный и крепкий.

– Я первая ударила! не мне гореть! Маньке гореть!

Спор оживляется, но протестующая сторона видимо слабеет. Слышатся возгласы: «Дура! криворотая! ишь что выдумала!» и т. д. Возгласы готовы перейти в побоище.

– Цыц, паскуда! – раздается с крыльца.

Протесты мгновенно смолкают; горелки продолжают уж без шума, и только изредка безмолвие нарушается криком: «Дура! что, взяла?» (с. 21)

Значимая отрицательная нагрузка слова *дурак*, вызывающая чувство неотступного эмоционально-психологического дискомфорта в момент не только его произнесения, точнее восприятия, но и при самом о нём упоминании, подчёркивается самим рассказчиком:

Дурак! дурак и дурак! – вот единственные выражения, которые раздаются в моих ушах. Мне становится наконец страшно. Куда деваться от этого паскудного, поганого слова? Десять дней сряду, прямо или косвенно, оно преследует меня; десять дней сряду я слышу наглый панегирик мошенничеству, присвоивающему себе наименование ума. (с. 21)

Представление о дураке как о человеке, не умеющем себя повести, одновременно предполагает и того, кто из-за этого подвергается физическому либо психическому насилию. В этой связи следует обратить внимание на то, что в тексте довольно часто появляется выражение (*надо*) *учить дураков* в разном синтаксическом окружении и оформлении. Подобный устойчивый оборот, встречающийся в разных своих вариантах, характерен и для русских народных поговорок: *дурака учить – что мёртвого лечить; учить дураков – не жалеть кулаков; что в утлый мех воду лить, то безумного уму-разуму учить; дурака*

*учить – что воду решетом носить; неразумного учить – в бездонную кадку воду лить; дурака учить – что на воде писать; дурака учить – только портить; дурака учить – воду в решете носить*⁵¹. В приведённых паремиях «учение» дураков предполагает преимущественно бесполезно предпринимаемые образовательно-наставительные действия, неэффективность которых заставляет в итоге применить физическое, насильственное воздействие (*учить дураков – не жалеть кулаков*; ср. также *дурака и в алтаре бьют; лося бьют в осень, а дурака всегда*). Отмеченный мотив телесного наказания дураков, хотя в тексте *Благонамеренных речей* единичный, обнаруживается в следующей цитате:

Да... народ нынче! Да ведь и Бакулин-то прост! ну, как-таки так? – замечает другая сибирка.

– Чего прост! Дурак как есть! Дураком родился, дураком и умрет! Потому и учат. Кабы на дураков да не плеть, от них житья бы на свете не было! (с. 26)

Однако в тексте «наука», которую должен извлечь для себя дурак из определённой ситуации, заключается в том, что он становится или мысленно делается объектом издевательски усиленного, намеренного воздействия с ощущением им последствий своего якобы необдуманного и обращающегося в материальный ущерб для себя поведения. В результате дурак – это тот, кого учат не физическим насилием, но психическим испытанием – несчастьем, жизненными трудностями, лишениями:

– Так неужто ж Маргарита Ивановна так-таки ничего и не даст?

– И не даст. Потому, дурак, а дураков учить надо. Ежели дураков да не учить, так это что ж такое будет! Пушай-ко теперь попробует, каково с сумой-то щеголять! (с. 20)

– Да, простенок-таки почтеннейший Тихон Никанорыч! – наконец произносит он с новым вздохом.

– Помилуйте! Скотина! На днях, это, вообразил себе, что он свинья: не ест никакого корма, кроме как из корыта, – да и шабаш! Да ежели этаких дураков не учить, так кого же после того и учить! (с. 25)

– Уж что об вашем хозяине говорить! Хозяин – первый сорт! – отзывается другая сибирка.

– Нет, да ты вообрази! Продал он Семену Архипычу партию семени, а Семен-то Архипыч сдуру и деньги ему отдал. Стали потом сортировать, ан семя-то только сверху чистое, а внизу-то все с песком, все с песком!

– Дурак!

– Нет, ты вообрази! Все ведь с песком! Семен-то Архипыч даже глаза выгарашил: так, говорит, хорошие торговцы не делают!

⁵¹ В. Даль, *Пословицы русского народа...*, с. 275.

– Дурак!

– А хозяин наш стоит да покатывается. «А у тебя где глаза были? – говорит. – Должен ли ты иметь глаза, когда товар покупаешь? – говорит. – Нет, говорит, вас, дураков, учить надо!» (с. 20)

В последнем фрагменте «учение дураков» оказывается дополнительно не следствием, а предлогом для сознательно и заведомо запланированного обмана, мошенничества с извлечением выгоды для себя. Проявляет это себя и в следующем фрагменте:

– И как же он его нагрел! – восклицает некто в одной группе, – да это еще что – нагрел!

Греет, братец ты мой, да приговаривает: помни, говорит! в другой раз умнее будешь! Сколько у нас смеху тут было!

– Дурак!

– Дурак и есть! Потому, ежели ты знаешь, что ты дурак, зачем же не в свое дело лезешь? Ну, и терпи, значит! (с. 22)

Представленная контекстная реализация снова становится в параллель к дураку как герою народных сказок, в которых на этот раз выступает он воплощением лентяя, пьяницы и неудачника⁵², не умеющего управлять своим имуществом и самим собой. Для иллюстрации приведём такие фрагменты:

– Сс, чем же он, однако, теперь живет?

– Так кое-когда Капитолина Егоровна из своих средств кое-что дает. Да зачем и давать!

Сейчас получил – сейчас в кабак снес!

– Да, прост-таки Иван Гаврилыч! на порядках прост!

– Помилуйте! дурак! Коли этаких дураков не учить, кого ж после того учить надо? (с. 25)

По здешнему месту насчет дураков даже очень строго. Вроде как даже именем своим владеть недостойными почитаются... Сейчас, это, или сам от своей глупости прогорит, или унесет у него кто-нибудь...

– Дурак – это по-здешнему значит: выморочный человек, – пояснил Колотов. (с. 44)

На основании рассмотренного материала можно прийти к выводу, что лексема *дурак* у М.Е. Салтыкова-Щедрина предполагает преимущественно пёстрый и неоднородный портрет как следствие обыгрывающе-контаминированного воплощения разных признаков, что в целом можно было бы свести к общему образу дурака как нравственно чистого обличителя социальных несправедливостей

⁵² М.Н. Черкасова, *К вопросу о фреймо-слововой структуре...*, с. 80.

и человеческих пороков. Все отмеченные нами контекстно обусловленные реализации и значения можно представить как намеренно созданную писателем «шутовскую маску», за которой скрывается, себя обнаруживая в своей совокупности, совсем иной облик и образ. Данное положение непосредственно вызывает ассоциации с известными персонажами других авторов, таких, как князь Мышкин у Фёдора Достоевского и, к примеру, бравый солдат Швейк у Ярослава Гашека. Все они в восприятии окружающих – глупцы, идиоты и дураки, в то время как в действительности, через такое к ним отношение и такое их восприятие, обнажаются доведённые до крайности общественные и нравственные патологии.

References

- Bayko V., Bëme I., *Novyy russko-nemetskiy, nemetsko-russkiy slovar'*, Moskva 2009.
- Borys W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2008.
- Cherkasova M.N., *Durak fol'klorny vs «durak polnyy»: k interpretatsii oskorbleniya, «Rkhema. Rema»* 2011, № 2.
- Cherkasova M.N., *K voprosu o freymo-slotovoy strukture kontsepta durak, «Voprosy kognitivnoy lingvistiki»* 2011, № 4.
- Chernykh P.Ya., *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*, t. I, Moskva 2009.
- Chesnokov I.I., *Mest' kak emotsional'nyy povedencheskiy kontsept*, Volgograd 2009.
- Dal' V., *Poslovitsy russkogo naroda*, Sankt-Peterburg 2000.
- Dal' V., *Tolkovyy slovar' zhivago velikorusskogo yazyka*, t. 1, Sankt-Peterburg – Moskva 1880.
- Dvoretzkiy I.Kh., *Latinsko-russkiy slovar'*, Moskva 1976.
- Efremova T.F., *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, t. I-II, Moskva 2006.
- Evgen'eva A.P. (red.), *Slovar' russkogo yazyka v 4-kh t.*, t. I, Moskva 1999.
- Filin F.P. (red.), *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, vyp. 6, Leningrad 1970.
- Khriptomulova T.N., *Kontsept «durak» v poezii N.I. Tryapkina*, «Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova» 2014, № 1.
- Kardanova M.L., Nastayeva L.Kh., *K voprosu o strukture i yazykovom vyrazhenii kontsepta «durak» v angliyskom, ispanskom i russkom yazykakh*, «Novoye slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy» 2015, № 21.
- Kirillova I.V., *Yazykovyye reprezentatsii kontsepta «glupost'» v russkikh narodnykh skazkakh*, «Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta» 2011, № 2-2.
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A., *Slovar' russkoy mental'nosti*, t. 1, Sankt-Peterburg 2014.
- Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z. i dr., *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*, Moskva 1996.
- Kulbicka A., Ledzińska A., Maciąg A. i in., *Elektroniczny słownik łaciny średniowiecznej w Polsce*, [w:] <https://elexicon.scripores.pl>.
- Kuznetsov A.S. (red.), *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, Sankt-Peterburg 2000.
- Larosh P., Mayevskaya E., *Frantsuzsko-russkiy, russko-frantsuzskiy slovar'*, Moskva 2013.
- Likhachëv D.S., *Zametki o russkom*, Moskva 1984.
- Maslova V.A., *Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku*, Moskva 2007.
- Mikolaja Reja z Nagłowic pisma wierszem*, wyd. J. Czech, Kraków 1848.

- Mukhtarova D.R., *Osobennosti reprezentatsii lingvokul'turnykh kontseptov v rasskazakh V.M. Shukshina*, «Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal» 2017, № 4-2 (58).
- Myuller V.K., *Bol'shoy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar'*, Moskva 2007.
- Nikitina L.B., *Obraz duraka v russkoy kul'turnoy traditsii (lingvokul'turologicheskiy aspekt)*, «Filologicheskiy ezhegodnik» 2005, vyp. 5/6.
- Nikitina L.B., *Russkiy durak i russkiy um: arkhетipicheskiye cherty yazykovogo obraza cheloveka razumnogo*, [v:] Portal "O literature", LITERARY.RU, <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull>.
- Online Etymology Dictionary*, [v:] <https://www.etymonline.com>.
- Pfeifer W., *Etymologische Wörterbuch des Deutschen*, [v:] <https://www.dwds.de>.
- Saltykov-Shchedrin M., *Blagonamerennyye rechi*, Moskva 1876.
- Skotnicka-Maj A., *Szaleństwo jako wartość we współczesnej literaturze rosyjskiej*, „Rusycystyczne studia literaturoznawcze” 1992, nr 17.
- Shved I., *Iz nablyudeny nad obrazom duraka v paremiologicheskoy fonde belorusskoy traditsii*, „Białorutenistyka Białostoka” 2013, t. 5.
- Szymczak M. (red.), *Słownik języka polskiego*, t. I, Warszawa 1983.
- Urbańczyk S. (red.), *Słownik staropolski*, t. II, Wrocław – Kraków – Warszawa 1956-1959.

NOTA O AUTORZE

Maciej Walczak – doktor nauk humanistycznych, rusycysta, adiunkt w Instytucie Językoznawstwa Uniwersytetu Śląskiego. **Ważniejsze publikacje:** *Мотивация названий насекомых в русском и польском языках*, Saarbrücken 2015; *Греческие корни в лексическом составе русского и польского языков (семантический, словообразовательно-морфологический и стилистический аспекты)*, Katowice 2016; *Оценочность и эмоциональность высказываний Д. Туска и Я. Качинского с позиции просодико-фонетических показателей*, [w:] *Kim Ty jesteś? Ja kontra Adwersarz w polskiej debacie przedwyborczej. Język a rzeczywistość w kategoriach ekspresji, polityki, ideologii*, Katowice 2019, s. 29-69; *Русская орфоэпия в польских пособиях по практической фонетике русского языка*, [в:] *Русский язык и литература в контексте глобализации*, Москва 2019, с. 128-133; *Заимствованные элементы в русских пословицах и поговорках, относящихся к уму и глупости*, [в:] *Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии*, ред. Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, Грайфсвальд – Санкт-Петербург 2020, с. 89-97.

ORCID: 0000-0001-6313-5672

Email: maciej.walczak@us.edu.pl